

КНИГА ЗА КНИГОЙ



Конст. Федин

МАЛЬЧИКИ

ДЕТГІЗ ~ 1957

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

КОНСТ. ФЕДИН

МАЛЬЧИКИ



Рисунки А. Ермолаева

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1957

Здесь четыре короткие истории о русских мальчиках.

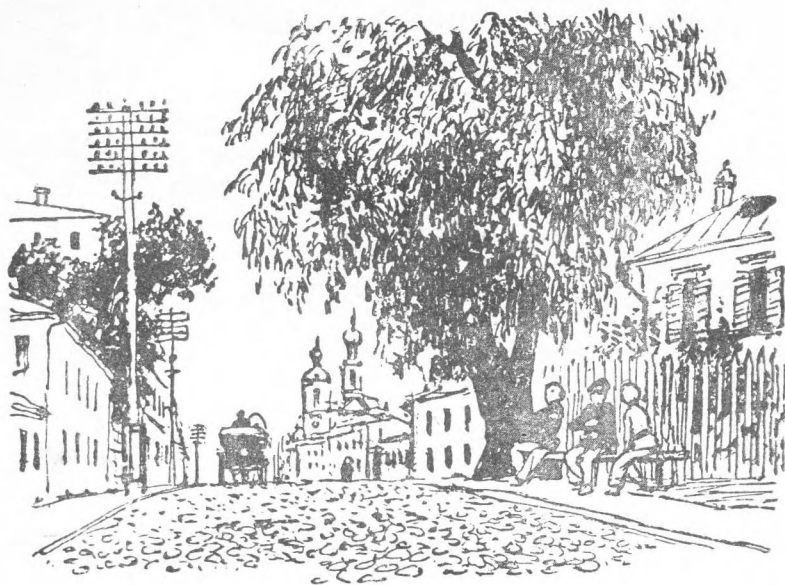
В первой рассказано о школьниках, решивших порыбачить на Волге, вместо того чтобы идти на уроки. Это одно из ранних приключений, один из тех детских «побегов», которые хорошо всем знакомы и чаще всего хорошо кончаются.

Три следующие истории показывают детей на войне.

В деревне, захваченной неприятелем, маленький Вася отвлекает внимание немецких солдат от советских партизан, к которым ушла его мать. Рассказы «Мальчик из Семлёва» и «Командир» рисуют подростков, отважно помогающих воинскому труду Красной Армии. Самые юные бойцы, ещё не вполне осознавшие свой героизм, пылко отдают возвышенную, отроческую чистоту своей души всеобщему стремлению защитить родную землю от врага.

Великая Отечественная война необыкновенно быстро растила новое, закалённое боями поколение советского народа. Дети скоро становились смелыми юношами, и юноши делались бесстрашными мужами, и мужи превращались в богатырей.

О таком росте детей, о мужанинстве мальчиков и рассказывает эта книга.



С А З А Н Ы

Нас было три товарища: Коля, Саня и я. Мы жили в одном дворе и очень гордились, что всем троим нам было тридцать лет. Саня любил подраться, но мы вдвоём с Колей были сильнее его, поэтому он нас не трогал. Ему дали прозвище «Санька Широкий Нос». Он сердился, когда его так звали.

Один раз осенью мы сидели на лавочке у палисадника и разговаривали. День стоял ясный. Желтобокая синица, насвистывая, винтом вилась по веткам ивы в палисаднике, и мы пристально смотрели за ней.

— Ни капельки не боится, — сказал я.

— Попробуй, поймай, — сказал Коля.

— А что лучше ловить: птиц или рыбу? — спросил Саня.

— Рыбу, — ответил Коля.

— Как бы не так! — сказал Саня. — Птицу поймаешь, посадишь в клетку, она поёт. А рыбу не успеешь поймать, она уснула — куда её? Коту Ваське, обжоре.

— Да ты порядочной рыбы никогда и не ловил. Наверно, только чехонь таскал, — засмеялся Коля.

— А ты что таскал? Баклешек? — рассердился Саня.

— И сазанов ловил, — строго проговорил Коля.

Тут я не выдержал:

— Зачем ты, Коля, врешь?

— И ничуть не вру! Нынче летом на Волге, в Беленьких, я ловил сазанов.

— А я прошлым летом с мамой жил в Беленьких, — сказал я, — там сазаны не ловятся.

— Ты в каком месте ловил?

— И с берега ловил и с дощаников.

— А надо с конторки. Там они здорово берут.

— Ты, поди, вот такого поймал? — спросил Саня и показал мизинец.

— Я в три ладони поймал! — опять строго сказал Коля и отмерил на руке три ладони, до локтя.

— Завирай! — потрянул головой Саня. — Вот как дам тебе...

— Попробуй! — сказал Коля и подвинулся ко мне.

Я тоже подвинулся к нему, и Саня отвернулся от нас в сторону.

Синица в этот момент оторвалась от ветки и быстро полетела, ныряя в воздухе, а ивовая ветка долго раскачивалась, точно прощалась. Я глядел вслед синице, пока она не исчезла, и мне вдруг стало грустно, что лето прошло и не возвратится; и я увидел, что и Саня с Колей тоже подумали о чём-то грустном, только Саня всё ещё сидел отвернувшись.

— Ты правду говоришь, что в три ладони? — спросил я.

— Знаешь что, — сказал Коля вместо ответа, — давай с тобой поедем в Беленькие.

Он глядел на меня своими жёлтыми смелыми глазами, и я подумал: «Нет, Коля врать не может».

— Как же мы поедем?

— Очень просто, на пароходе. Утром поедем, после обеда — назад.

— А деньги?

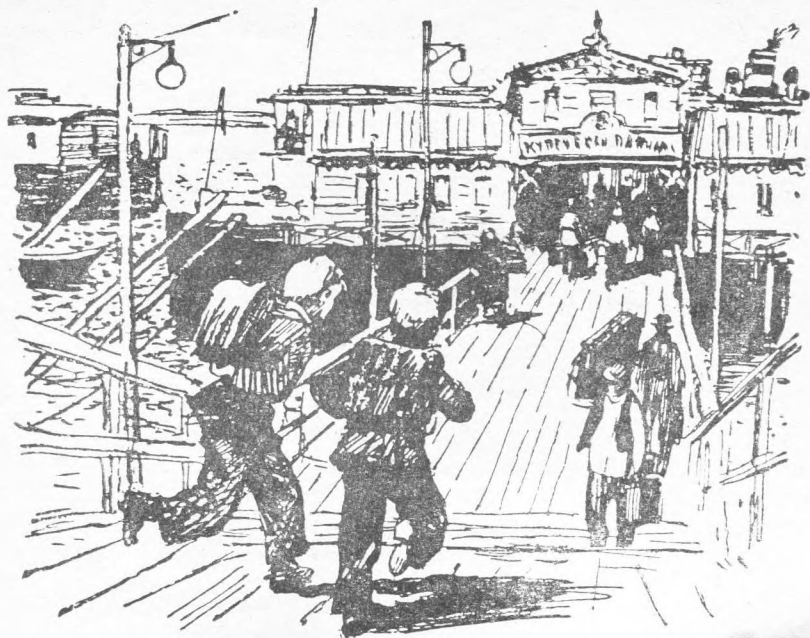
— Пустяки какие! — сказал Коля, ткнул подбородком в моё плечо и шепнул на ухо: — У меня деньги есть, хватит.

Саня встал, сделал три шага, обернулся, сказал нам:

— Не больно надо, завиралы! — и ушёл.

— Санька Широкий Нос! — крикнул я ему вдогонку.

Он погрозил нам кулаком, а мы стали обсуждать, как поедем ловить сазанов.



Через день, как обычно, мы с Колей вышли поутру в школу, на полдороге повернули в другую сторону и пошли тихой улицей на Волгу. Сначала мы не глядели друг на друга, чтобы кто-нибудь не догадался, что мы в сговоре. У нас в карманах были волосяные лески с крючками, а в школьных сумках — завтраки. Мы шли всё быстрее и быстрее и наконец пустились бегом.

Когда мы прибежали на берег, раздался отчальный гудок парохода, на котором мы должны были ехать.

«Гу-гу!» — прогудел он коротко, что на пароходном языке означало: «Прими сходни, я поехал».

Мы бросились со всех ног на пристань. Сходни были убраны, носовая чалка уже отдана, и капитан громко скомандовал с мостика:

— Отдай кормовую!

Молодой парень бежал к кормовой чалке, а мы неслись следом за ним.

— Ну давай, прыгай! — крикнул он, протягивая нам руку, и мы прыгнули с пристани на корму парохода, а парень сбросил чалку в воду.

Это был небольшой пароход, из тех, какие ходили в ближние сёла и назывались «купцами». Вся его палуба, и корма, и нос были завалены пустыми корзинами из-под яблок, и весь он пахнул яблоками, точно шёл не по воде, а по саду. На корму явился помощник капитана, и Коля важно купил у него билеты. Мы разлеглись между корзинами, стали смотреть, как бурлит под винтом вода. Пароход подходил ко всем маленьким пристаням, понемногу выгружая корзины. Мы с Колей проголодались, долго терпели, потом решили съесть один завтрак, но не удержались и съели оба: очень разыгрался аппетит от свежего ветра и яблочного духа.

Наконец мы приехали в Беленькие. Коля пошёл на ручей, в орешник — вырезать удилица, а я отправился копать червей. Я хорошо помнил места, где водились черви, и очень обрадовался, когда всё в деревне начал узнавать: там за целый год ничего не переменялось.

Мы вернулись с Колей на конторку, сели на самом носу, спустив ноги за борт, быстро смастерили и закинули удочки.

— Вот как раз тут и берутся сазаны, — сказал Коля.

Осеннее течение было тихо, поплавки относило вниз медленно, и мы перекидывали удочки очень редко. Сверху приплывали золотисто-лиловые, сизые и зелёные разводы нефти, кружились около наших лесок и ленточками уплывали дальше. Мы сидели молча. Рыба не клевала.

— Надо погодить, — сказал Коля. — Ведь сазаний клёв начинается позже.

Мы посмотрели на солнце. Оно немного опустилось.

Снизу пришёл «купец», заставленный корзинами с яблоками, добавил с пристани ещё яблок и ушёл в город. А у нас ещё ни разу не клюнуло.

— Может, ты всё сочинил? — сказал я, когда надоело перекидывать удочку.

— Я тебе расскажу, как было, — быстро отозвался Коля, будто обрадованный, что я с ним заговорил. — Мы удили здесь с папой. У нас сперва тоже не клевало, и мы собрались уходить. Вдруг у папы стало тихонько клевать, долго-долго, потом сразу как поведёт вбок! Он и подсёк. И говорит: «Это, наверное, сазан. На, — говорит, — держи удочку, я хочу, чтобы ты вытянул». Я как взял — насили удержал. А папа говорит: «Ты сильно не дёргай, оборвёшь леску, а дай ему поводить, он устанет, тогда ты его и вытягивай». И правда, как стал он водить то в эту сторону, то вон в ту, я подумал: «Оборвёт всё на свете». Потом он немножко присмирел, я его как выхвачу прямо вот сюда и схватил руками. Красивый!



— Ну, а какой? — спросил я.

— Ты бронзу видел? Ну, такую, тёмно-золотую. Вот у него такие бока. А спинка чёрная, а животик белый. Башка толстенная, тупая, и ротик ма-ленький, и он им всё время чвакает. Так вот: чвак, чвак. Живучий!

Мне опять страшно захотелось поймать сазана, и я снова принялся перекидывать удочку. Но клёва всё не было.

Пришёл ещё один «купец», сверху, с пустыми корзинами. Коля решил купить что-нибудь поесть, потому что обеденное время уже миновало. Он принёс из паровозного буфета булок с яблоками, и только мы принялись за еду, как поплавок на моей удочке — тюк-тюк, тюк-тюрю-рюк! — пустился тихонечко приседать.

— Сазан! — шепнул мне Коля.

У меня булка выскочила из рук и — плюх в воду! Коля — толк меня в бок и шепчет:

— Ты с ума сошёл! Не подшумливай!

Поплавок опять заплесал: тюк-тюрю-рюк! Меня так и подмывало дёрнуть. А Коля учит:

— Погоди, не торопись.

Тогда поплавок остановился и замер. Я осторожно потянул удочку вверх и неожиданно вытащил из воды рыбу — узенькую, длинную, вроде селёдки, и такую же серебристую и чуть вогнутую, как ножик. Когда я её выкинул на конторку, она один раз вздрогнула и сразу обмерла: глаза у неё помутнели, и чешуя стала терять блеск и синеть.

— Чехонь! — сказал я и плюнул.

В этот момент Колин поплавок тоже заплесал. Коля схватил удилице и тоже вытащил чехонь. Так и пошло: то я вытяну рыбку, то он, не успеваем закидывать удочки. Скоро мы натащали целую кучу рыбы, и она валялась по полу конторки, сухая, бледно-синяя. Мы вымазались в чешуе, потому что чехонь лияла от одного прикосновения, но мы не обращали на это внимания: мы были рады, что начался такой весёлый клёв.

Внезапно позади нас раздался голос:

— Вы что тут нанавозили?

Мы обернулись. Над нами стоял старый усатый матрос.

— Кто вас сюда пустил? — закричал он.

— Мы, дяденька, сазанов ловим, — вежливо сказал Коля.

— Са-за-нов? — закричал он громче. — Вот я сейчас ваших сазанов!..

Неизвестно откуда у него взялась метла, и он начал изо всей силы сметать чехонь в воду.

— Убирайтесь с конторки, живо!

Мы наскоро забрали своё добро и сошли на берег.

Только тогда мы увидели, что Волга была огненно-красная, будто её зажгли со всех концов. Солнце наполовину опустилось за небосклон. Вниз по течению плыла наша чехонь худенькими животами вверх, и животы были розовые от заката. Мне стало жалко рыбу. И вдруг я подумал: «Что теперь с нами будет?»

— Влетит нам дома, что мы пропадали, — сказал я.

— Сейчас придёт «купец», мы как-нибудь словчим, сядем, — ответил Коля.



- Зачем же ловчить? Купим билеты и поедем.
— А на что ты купишь?
— Как — на что? Ты сказал, что у тебя денег хватит.
— А ты яблоки с булкой ел?
— Яблоки ел, а булка уплыла.
— Ну так что же, уплыла: всё равно я за неё заплачу.
— И не осталось ни копейки?
— Ни копейки.

Коля был встревожен, но смело смотрел на меня своими жёлтыми глазами.

Мы больше не разговаривали. Мы выбросили удилица, смотрели лески и стали дожидаться парохода, изредка кидая камешки по поверхности воды и считая, сколько раз они подскочат, перед тем как утонуть. Эта игра называлась «блинчики».

«Купец» пришёл уже в огнях. Мы хотели прыгнуть с конторки на нос парохода, но показалось слишком высоко. Тогда мы пробрались к корме. Только что мы спустили ноги за конторку, как вдруг появился усатый матрос — вешать фонарь на мачту. Свет фонаря упал прямо на нас, и матрос заорал так, будто поймал мошенников:

— А-а, вы опять тут? Зайцами ехать удумали?

Мы бросились прочь и не успели сбежать на берег, как пароход загудел и отчалил. Он уходил со своими светлыми окнами и фонарями, а вокруг нас становилось темнее, темнее, и мы с Колей поняли, что пришла ночь.

— Будет ещё пароход? — спросил я.

— Из города.

— А в город?

— А в город — утром, — грустно ответил Коля.

— Знаешь, — сказал я, — идём к бабушке Ниловне. Мы с мамой у неё прошлый год жили. Она нас пустит.

Изба Ниловны стояла недалеко, окнами на Волгу, и мы дошли скоро: я и в темноте хорошо различал дорогу. Ниловна не сразу меня узнала, а потом зажгла лампу и, пока я рассказывал, как мы очутились в Беленьких, всё трясла головой и твердила:

— Ой, бедокуры, ой, бедокуры!

Она напоила нас парным молоком, постелила в передней горнице на полу овчинный тулуп и велела ложиться спать.

Мы с Колей подвернули под головы большущий воротник тулупа, прижались друг к другу спинами и быстро согрелись. Но сон ко мне не приходил, и я чувствовал, что Коля тоже не спит.

Очень ясно я увидел свою комнату с кроватью, покрытой синим мохнатым одеялом. На кровати сидела мама и плакала, а отец стоял у печки и сердито говорил:

— Вот твоё воспитание: растёт бессовестный балбес!

«Бессовестный балбес» — это отец говорил обо мне. Но он ошибался, совесть меня мучила: мне было страшно жалко маму и стыдно, что она из-за меня плачет. Я сам чуть не заплакал в тулуп и опять ясно-ясно услышал мамин голос:

— Нет, он не такой плохой мальчик.

Голос был настолько отчётлив, что я приподнял голову. Дверь в горницу открылась, и вошла Ниловна с лампой, а за нею мама.

Я схватил Колю за руку, и мы вместе вскочили.

— Мама! — крикнул я.

— Ну что, рыболовы? — сказала мама негромко и так нежно, как не говорила никогда в жизни.

Я бросился к ней. Она обняла меня. Я шепнул ей тихонько, чтобы никто, кроме неё, не слышал:

— Ты меня простишь?

Она крепче прижала меня к себе.

— Как же ты нас нашла? — спросил я.

— Это моё дело, как нашла, — ответила мама, взглянув на Колю, и покачала головой.

Вдруг она сказала:

— Тише! Слушайте.

Мы притихли. Издалека доносились то короткие, то длинные гудки парохода, как будто он о чём-то просил.

— Пассажирский лодку требует, — сказала Ниловна.

— Он идёт в город? — спросила мама.

— Снизу, в город.

— Ну, живо, собирайтесь! — сказала мама. — Если поспеем на лодку — может, пароход нас посадит.

Она поцеловалась с Ниловной и велела нам поблагодарить её за приют.

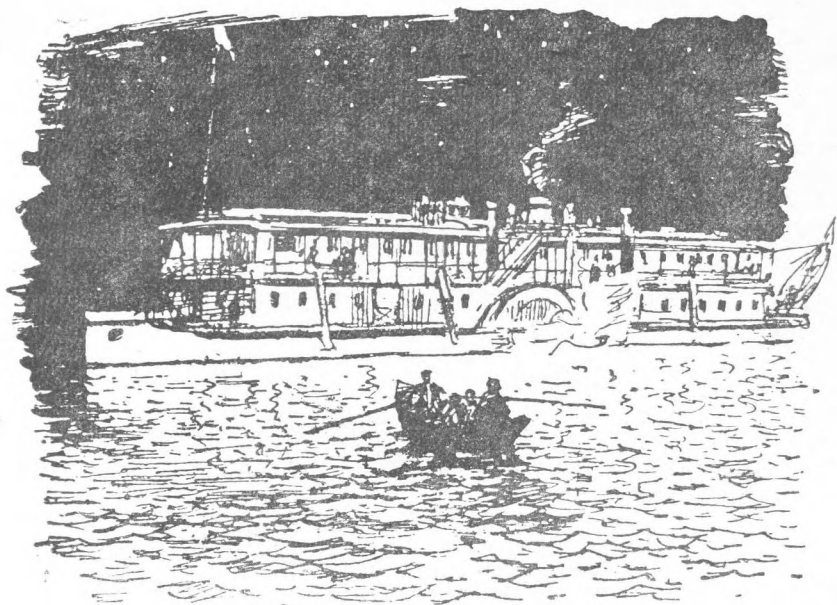
— Спасибо, — сказал я.

— Спасибо, — сказал Коля.

Мы вышли в темноту. Богатый, большой пароход, весь в огнях, приближался тихим ходом. Гудок опять заревел. В ответ на берегу, около конторки, замахали слабым жёлтым огоньком фонаря.

Мы побежали на огонёк.

Человек в лодке, приладив фонарь к носу, поднял весло, чтобы оттолкнуться от берега.



— Подождите! — крикнула мама. — Возьмите, пожалуйста, нас! Может быть, пароход посадит. Нам нужно в город.

— Ладно, скорей! — раздался грубый голос.

Я сразу узнал по голосу матроса, который прогнал нас с конторки. Я толкнул Колю, а Коля — меня: он тоже узнал матроса.

Мы забрались в лодку, сели на боковые скамеечки: мама с одного бока, я и Коля — против неё, для равновесия, а на поперечную скамью сел в вёсла матрос. Он грёб сильно, отрывистыми короткими ударами, и вёсла легко, как поплавки, выскакивали из воды, вспыхивая жёлтым отблеском фонаря. Мелкая волна булькала о днище лодки. Кругом лежала тьма. Далеко-далеко во тьме хлопал по воде колёсами и шумно сопел пароход. Постепенно его свет начал достигать лодки. Я увидел всполошённые лица Коли и мамы, а матрос сидел к пароходу спиной, и у него только просвечивали концы длинных усов.

— Вдруг он уйдёт? — сказала мама испуганно.

— Кто это? — спросил матрос.

— Пароход.

— Он уйти не может, — гордо сказал матрос: — он на мой сигнал ответил.

— На какой сигнал? — спросил я тихо.

— Я ему огнём помигал, что, мол, ожидай, выходим.

Пароходные огни росли, росли, лодка вошла в их разноцветные отражения, танцевавшие в воде, мамино лицо становилось попеременно розовым, зелёным, жёлтым. Шум и свист пара накатывались на лодку, уже слышны стали крики с парохода, и нас страшно быстро потащило к его борту.

— Ах! — вскрикнула мама.

Матрос бросил вёсла, прыгнул на нос лодки, поднял руки. Мы пронеслись мимо остановившегося колеса парохода. Оно было огромное, выше матроса в три раза, и с его красных плит лилась и капала вода, забрызгав меня и маму. На нас пахло горячим, душным запахом машинного масла, нефти, потом вдруг — вкусных щей. Над нами, в узенькой ярко-красной дверке, показался повар и вытер полотенцем пот с лица. Опять пролетели мимо круглые светлые огни, и мы обрушились в темноту и остановились.

Матрос держался обеими руками за нижнюю ступеньку железного трапа, почти повиснув на нём, и кричал, задрал голову:

— Есть пассажиры! Принимаешь?

— Сколько? — прокричали с кормы парохода. — Давай скорей!

Пароход немного сработал колёсами, чтобы не уносило течение. Лодка начала нырять на волнах, матрос то подтягивался на трапе, то опускался, выпрямляя руки.

— Ну, полезай, живо! — скомандовал он нам.

Он подсадил одной рукой сначала Колю, потом меня, и, когда я схватился изо всей силы за трап, он шутя хлопнул меня сзади широкой ладонью и прикрикнул:

— Эх, вы, сазаны!

Забравшись на корму, я обернулся и глянул вниз. Матрос очень бережно подсаживал маму, и усатое лицо его, чуть видное глубоко в темноте, показалось мне очень добрым.

Быстро спустились по трапу пассажиры, для которых вызывалась лодка, и пароход пошёл полным ходом. Я насилу отыскал позади, в чёрной ночи, крошечный жёлтый огонёк, скоро исчезнувший бесследно: это поплыла к далёкому берегу лодка. И я подумал, что нигде не было бы страшно с усатым матросом.

Мама нашла удобное место недалеко от машины, чтобы было теплее. Когда мы с Колей устроились, я спросил у него шёпотом:

— Знаешь, кто, наверно, про нас всё рассказал?

- Санька Широкий Нос, — шепнул Коля.
- Давай ему ничего не скажем про чехоны!
- А про сазанов?
- А про сазанов скажем, что мы их съели.
- Ага, — согласился Коля.

Всё было ясно. Я почувствовал, что мама положила мне на плечо руку и что тёплым, шумным, как машина, приливом меня понёс куда-то сон.





В А С Я

Это было, когда немец наступал на Москву.

Вася запомнил сумерки, такие синие-синие, с одним розовым стеклом — это то стекло, которое почему-то не замерзает в избе, — а другие были покрыты ёлочками, звёздами, папоротниками и синели с каждой минутой больше и больше. Он возился с котёнком, всё хотел положить его на спину, а котёнок норовил перевернуться, смешной, однобокий: на одном боку рыжая шерсть его склеилась от смолы — он лазил в подпол и вымазался в смоле, ещё когда было тепло.

В это время пришла мать и — прямо к сундучку.

— Ты оставайся с Васяткой, — сказала она бабушке, — а я уйду.

Бабушка начала плакать, а мать молча вынула из сундука бельё да красное платье, взяла целый каравай хлеба, затянула всё в узел и пошла к двери. С порога вдруг обернулась, прижала Васю к себе так, что ссадила ему кожу на носу об новую овчину полушубка и он вскрикнул:

— Больно, мам!

— Васютка, Васютка... — сказала она и опять пошла из избы.

— Ты бы взяла его с собой! — всхлипнула бабушка.

— Куда его, он замёрзнет, — ответила мать и захлопнула за собой дверь.

Бабушка велела Васе лезть на печку и, пока темнело, прибрала в сундучке, а потом тоже забралась на печку.

— Не спишь? — спросила она.

Вася не спал, и она сказала:

— Когда они придут, ты только знай помалкивай.

— Кто придёт? — спросил Вася.

— Немцы. Будут тебя спрашивать, а ты вот так вот разводи ручками — стало быть, что ты ничего не знаешь.

— Про что будут спрашивать?

— Всё равно про что. Ты только разводи ручками. Вот так вот. А спросят, сколько тебе лет, скажи — восемь.

— Мне десять.

— А ты скажи — восемь. Всё лучше немного помене.

— А про себя ты сколько скажешь?

— Сколько мне-то? Про меня, чай, лучше сказать поболее...

Вася услышал, как котёнок бросился за мышью, и, полежав, сказал:

— Упустил!

— Пымает, — отозвалась бабушка. — Ты спи.

Тогда уже в полной темноте Вася шепнул бабушке:

— Я знаю, куда мамка ушла: воевать с немцами.

— Ну и помалкивай! — рассердилась бабушка. — Я что тебе сказала?

И Вася тоже рассердился на бабушку, поворочался и уснул.

А на рассвете он услышал мужские голоса, которые тарбарили непонятно и смеялись. Вася высунул голову из-за печки и увидел трёх немцев. Они разделись, составили ружья в угол, выложили на стол всякую всячину из сумок, а один из них, черноволосый и черноглазый, с густыми усами, намыливал щёки белой пеной, обмакивая мазилку в Васину чашку с голубым ободочком.

Бабушка уже затопила печь. Один солдат ушёл и долго не возвращался, а вернувшись, принёс рябенькую курицу с перерезанным горлом, поднял её над своей головой, и оба других солдата опять затарбарили и засмеялись. Черноусый посадил бабушку на лавку, велел щипать курицу. Вася сразу признал молодку — такие рябенькие, вроде цесарок, выводились у соседей.

Пока бабушка её щипала, немцы вынули из ящика трубу, похожую на козьи рога, только потолще и с тупыми концами, приладили её на подпорку против того стекла, которое не замерзло, и стали поочерёдно глядеть в стёклышки под трубой.

Чёрный, отойдя от трубы, подошёл к печке и увидел Васю.
— Н-на-на! — воскликнул он, прищёлкнув языком.

Взяв Васю за руку, он стянул его на пол, присел на лавку, поставил Васю между своих раздвинутых колен и начал что-то выспрашивать. Вася ничего не мог понять и только смотрел на его чёрные усы, шевелившиеся, как веники, которые развязывают, а немец, прижав его локти к туловищу, всё что-то талдычил непонятно. Наконец Вася разобрал слова:

— Папа, мама...

Он понял, о чём хочет знать немец, выпростал свои локти, развёл руками, как его учила бабушка, и покосился на неё. Но она словно и не замечала его.

Немец легонько толкнул Васю, подвёл его к трубе и велел смотреть в стёклышки. Вася ровно ничего не увидел и опять развёл руками. Тут чёрный намусолил себе большой палец и провёл пальцем по Васиному затылку против волос так больно, что Вася насилу удержался, чтобы не заплакать, и скорее опять полез на печь.

Солдаты велели бабушке спуститься в подпол и что-то приказывали ей, а она, выглядывая из подпола, мотала головой и твердила:

— А коли нет ничего, откуда я вам возьму?

Её вытянули из подпола. Один немец спрыгнул туда, пошарил, достал корчагу, в которой засыпаны были золой яйца. Черноусый взял палку, стукнул бабушку по голове и закричал. Бабушка прикрылась платком.

«Вот была бы мама, — подумал Вася про черноусого, — она бы тебе!..»

Солдаты стали вынимать из золы яйца. Черноусый засучил рукава, взял сковородку и принялся бить яйца. Вася насчитал ровно дюжину.

Так началась жизнь с немцами. В дверях, у косяка, стояла еловая палка с аккуратно отточенными сучками и с гладкой тяжёлой шишкой вместо ручки. Палку эту скоро узнала вся деревня: черноусый брал её с собой, и, если кто ему перечил, он пускал её в ход.

Вася узнал, что рога со стёклышками называются стереотрубой, и научился немного понимать солдат.

— Васья, — звали они, — ком, шау!

Это означало: «поди, погляди».

Вася подходил к трубе. Когда первый раз он увидел в стёклышках заснеженный луг и в конце луга реденький березнячок с ёлочками вперемежку и когда этот хорошо Васе известный березнячок подскочил к самым глазам Васи — близко-близко, он задрожал от радости и вспомнил маму, как она уходила в овчинном полушубке и с узелком. Ему почудилось, что мама непременно откуда-то смотрит из березнячка и, может быть, уже рассмотрела, как Вася глядит на неё через стёклышки. Немцы допытывались от него, видит он или нет, и смеялись над ним, а он разводил руками, как учила бабушка.

Один раз днём черноусый пришёл злой, со всего размаху хлопнул дверью и раздавил котёнка. Другой солдат поднял котёнка за хвост, помахал им над своей головой, как тогда — рябенькой курицей, и бросил его на Васю. Котёнку размозжило голову, но и мёртвый он был такой же однобокий, только бок его был теперь намазан не смолой, а кровью.

У Васи выступили слёзы. Он понёс котёнка на улицу хоронить и, закапывая его в сугроб за сараем, ясно-ясно вспомнил, как играл с ним в тот вечер, когда ушла мама.

В это время немцы вынесли из избы стереотрубу, установили её на треножник за воротами и начали по очереди прикладываться к ней. Сначала они спорили, потом уgomонились и попрыгивали с ноги на ногу, потому что мороз кусал очень сильно.

Черноусый посмеялся над Васей, передразнивая, как он плакал о котёнке, потянул его за нос и сказал:

— Нитшего, Васья! Ком, шау.

Вася приложился к стёклышкам, опять увидел заснеженную равнину луга и за ней березнячок.

И вдруг у самого березнячка, в конце равнины, он различил, как то здесь, то там пузырится снег: вскочит беленький пузырёк над снегом, подержится-подержится и опять упадёт; потом целый рядочек пузырьков вскочит, появится и упадёт.

И Вася чуть не вскрикнул, когда понял, что это лыжники в белых халатах двигаются цепью и то вскочат и побегут, то лягут в снег.

Немцы прыгали около Васи, грелись и пошучивали, а он, прижавшись к стёклам, смотрел, как далеко-далеко пузырится снег, и думал, как бы сделать, чтобы немцы не заметили, что такое там происходит у березнячка: наверно, там его мама.

Он потихоньку нажал валенком на одну ножку стереотрубы, увидел, что снег в стёклышках больше не пузырится, лежит ровно, и оторвался от трубы.

— Нитшего, Васья? — спросил черноусый, смеясь.

— Ничего, — ответил Вася и тоже засмеялся.

Немцы ещё раз поглядели в трубу, ничего не увидели и, совсем заморозившись, пошли в избу.

Улучив минуту, Вася сказал бабушке, что он знает, что скоро придёт мама.

— Я вот тебе! — припугнула бабушка. — Знаешь, так помалкивай!

И вот не успело стемнеть, как на реке внезапно затрещало, завыло, и немцы, все трое, схватив винтовки, неодетые, пояса — через плечо, патронташи — по карманам, вывалились на улицу. Треск и вой ненадолго прекратился. С реки прилетели разрозненные голоса:

— Ура-а!

Немцы огрызнулись на этот крик из своих винтовок. Тогда на реке опять завыло и затрещало, и вой медленно прошёл несколько раз по всей улице долгими вздохами и скрылся за деревней.

Рано поутру в избу явились два красноармейца в белых халатах.

Торопясь, сам себя перебивая, Вася рассказал им, что он ещё вчера знал, что они придут, что он видел их через трубу, и спросил:

— Верно ведь, что теперь придёт моя мама?

Про маму они ничего не могли сказать, а за то, что он догадался трубу сдвинуть с места так, что немцы ничего не увидели, похвалили его, и трубу тоже похвалили, которую немцы впопыхах не успели захватить. Черноусый и палку свою еловую тоже оставил, и красноармейцы сказали:

— Давай, Вася, разделим с тобой трофей пополам: мы возьмём себе стереотрубу, а тебе — палку.

На том и решили. Вася с красноармейцами сразу подружился и всё, что знал про немцев, всё им передал.

Один раз красноармейцы приходят и говорят:

— Половина немцев, которых мы из деревни прогнали, далеко не уехали: сидят на речке, в ольшанике.

— Зачем сидят? — спросил Вася.

— Понравилось у вас, вот они и сидят, — засмеялся один красноармеец, а другой спросил:

— Хочешь взглянуть? Пойдём!

Вася решил идти, отпросился у бабушки за деревню, взял свой трофей — еловую палку — и пошёл с красноармейцами на речку.

Шли они недолго, с полчаса, всё знакомыми Васе местами. На повороте реки, где было много наезжено лыжами, красноармеец, с которым шёл Вася, сказал:



— Это место — мы их обошли, а вон там, пониже, в ольхе, они, видишь, сколько натоптали — думали окопаться.

Спустились в ольшаник и пошли по реке. Тут много было насорено ветками, весь снег был чёрный, кругом лежали поваленные деревья. Вася шёл и постукивал палкой по деревьям, и стук подолгу держался в воздухе: сухая палка была звонкой.

— Видишь? — спросил красноармеец, остановившись.

Вася сначала не понял, о чём его спрашивают. Тогда красноармеец поднял его руку с палкой и показал на большую ольху, нависшую над рекой с берега. Вася посмотрел и обмер.

Под корнем ольхи, повалившись друг на друга, спиной к спине, сидели два немца. Того, который сидел лицом к нему, Вася сразу узнал: это был черноусый. Позёмка запорошила ему усы и одну щёку, волосы на голове его ершились, и он был почти такой, каким его Вася увидел первый раз — в избе, когда он намылил щёки и брился, а потом ударил бабушку палкой. Он сидел скорчившись, засунув пальцы в рукава куртки, и глаза его были наполовину открыты и мутно глядели на Васю.

— Это который у нас всех колотил палкой, — сказал Вася, оправившись от испуга.

— Отколотился, будет! — усмехнулся красноармеец.

Вася подошёл к черноусому и стукнул его палкой. Палка зазвенела в морозном воздухе, точно от удара по дереву.

— Ледяной, — сказал красноармеец.

— Нитшего, — проговорил, как немец, Вася и бросил прочь палку.

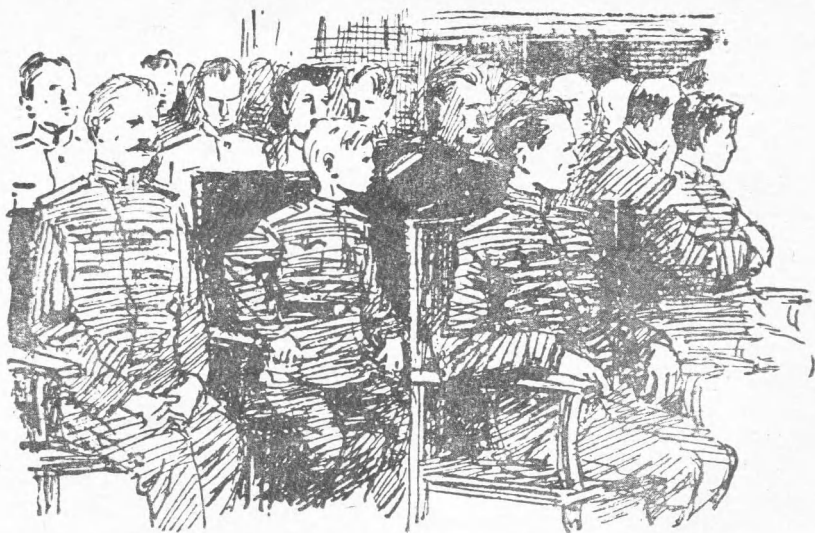
Она воткнулась в снег торчком, шишкой наверх. Вася долез до неё по снегу и хотел её сломать об колено, но она не поддавалась. Вася вдруг со злобой сунул палку под ноги, втоптал её хорошенько и, стоя на одном её конце, изо всей силы потянул за другой вверх и переломил. Потом он далеко швырнул обломки, они зарылись в сугроб без следа, а Вася, не оглядываясь, пошёл назад в деревню.

У околицы ему встретилась толпа мальчишек.

— Васютка, — закричали они, — катись домой, мать вернулась с партизанами! А мы — на реку, смотреть мороженных немцев.

Вася надвинул шапку и с радостью, опрометью бросился вдоль деревни, к своей избе.





МАЛЬЧИК ИЗ СЕМЛЁВА

Шёл литературный вечер в Доме Красной Армии, в Москве. Из-за стола я вглядывался в ряды слушателей, затихших в торжественном старомодном зале. Ряды уходили далеко, и лица, ясно различаемые на передних стульях, в конце зала сплывались в лёгкие полосы, желтоватые от электричества и слегка туманные. Аудитория состояла из командиров, прибывших с фронта. Их взгляды как будто старались не выдать горечи, которой наполнен народ на войне.

Вдруг где-то во втором ряду среди суровых и взрослых людей я увидел детское лицо, выделявшееся нежностью красок и блеском широких глаз.

Это был мальчик, одетый в военную форму, с худенькой шейкой, вытянувшейся из слишком просторного воротника с сержантскими петличками. Он был совсем невелик ростом и тянулся, чтобы лучше всё видеть. Каждая чёрточка его лица выражала любопытство. Всё происходившее с публикой происходило с ним в увеличенном размере: посмеявшись, зал становился опять

серьёзным, а его тонкий рот долго ещё сверкал застывшей улыбкой детского удовольствия.

— Смотри, — сказал я своему другу, сидевшему за столом рядом со мной. — Смотри во второй ряд, какой там воин.

И мы начали пристально глядеть на мальчика, дивясь его присутствию здесь, его мирному облику в воинском одеянии, всей его маленькой, необычайно жизненной фигурке.

Минут десять спустя мне передали из рядов аккуратно сложенную записочку:

«Мальчик, на которого вы указали, участвовал во многих делах партизанских отрядов и регулярных частей. Дважды представлен к правительственной награде, привёл десять «языков».

Мы перечитали несколько раз эти строки, поворачивая в пальцах записку и так и этак, с сомнением косясь друг на друга.

— Надо с ним поговорить, — сказал я.

И, как только кончился вечер, мы попросили разыскать в публике мальчика и привести к нам.

В смежной с залом комнате мы прождали недолго. Вскоре раздался громкий, отчётливый стук, и очень увесистая дверь неожиданно легко отворилась. Вошёл плечистый, высокий, большерукий лейтенант и, громко сдвинув ноги, распрямляясь и делаясь ещё выше, спросил:

— Разрешите вести?

В первый момент мы не совсем поняли, кого собирались вести. Но лейтенант обращался к нам, и мы сказали:

— Пожалуйста!

Уходя, лейтенант оставил дверь приоткрытой, и на смену ему в её узкой щели тотчас появился мальчик в военной форме.

Так же как лейтенант, он щёлкнул каблуками, вытянулся и взглянул нам по очереди в глаза.

Любопытство подавляло всякое иное выражение на его тонком, заострённом к подбородку лице. Мы показались ему достойными самого внимательного изучения, и он был похож на охотника, впервые ожидающего появления из-за кустов редчайшей дичины. Я думал, он непременно первый задаст нам вопрос: губы его вздрагивали, собираясь выпустить готовые слова. Но дисциплина поборолa любопытство, и он стойко ждал, когда его спросят.

— Давно ли в армии? — спросил мой товарищ.

— Вот как сошёл снег.

— А зимой?

— Был у партизан.

— В каких же местах?



Помолчав, он обернулся на высокого лейтенанта и, хотя у того был вполне доверительный и даже добродушный вид, ответил очень серьёзно:

— Места лесные.

Мы засмеялись, и я сказал:

— Смоленские, что ли, леса-то?

Он опять посмотрел на лейтенанта и тоже засмеялся, опустив голову.

— Смоленские.

В смехе его было ещё столько ребячьей прелести, что я почувствовал свежее волнение, какое испытываешь, войдя в детский сад.

— Сколько же тебе лет?

— Четырнадцать, пятнадцатый.

— Ого! А с виду ты года на два моложе.

Он пропустил это обидное замечание без всякого интереса, как будто решив терпеливо дожидаться более занятного разговора.

— А откуда ты родом?

— Из Семлёва.

— Вон что! Знаю, знаю Семлёво: по обе стороны железной дороги — станция и село, и совсем рядом — леса.

— Лес — так вот, подать рукой, — быстро подхватил он и весь раскрылся в своей сияющей детской улыбке, замигал часто-часто и вздёрнул острым носиком.

Тогда с яркостью, почти осязаемой, я увидел этого мальчика среди его родных лесов, каким он был там год или два назад, мог быть там в ту или другую минуту, на весёлых тенистых холмах Смоленщины. Я увидел его, беловолосого, без шапки, с прозрачными, как осенний ручей, остановившимися на тихой думе глазами, с голубой жилкой на виске и с голубой тенью над приоткрытой верхней губой. Вот он стоит неподвижно, чуть-чуть наклонив голову, прислушиваясь одним ухом, как закачался тяжёлый лапник ели от прыжка золотисто-луковичной белки. Он смотрит, как белка сорвала прошлогоднюю еловую шишку, пошелушила её и сердито бросила, пустую, наземь. Вот он слушает свист лимонной иволги, спрятавшейся высоко на осиновой макушке и словно передразнивающей журчание струи, которая выбилась из болотца внизу, под холмом. Вот он остановился рядом с тонкой беленькой берёзой, ниточкой тянущейся к высокой тихой синеве; и сам он тянется своею замершею думой высоко вверх, в молчании соединившись с вечной жизнью родной природы. Кто знает, не станет ли этот мальчик поэтом, русским поэтом, какого даёт нам смоленская земля иное счастливое десятилетие?

Мальчик стоял сейчас передо мной с отражением внезапно-го воспоминания на лице о родной своей земле, о родине, которой наделяется человек раз в жизни и которую он несёт потом в сердце через всю жизнь, как отца и мать.

- Где же твой отец? — спросил я.
- В Красной Армии.
- А мать?
- Мать? Не знаю. Говорили, ушла в лес.
- А что про тебя рассказывают, будто ты от немцев «языков» приводил?
- Приводил.
- Это когда партизаном был или в армии?
- И у партизан и в армии.
- Сколько же всего привёл?
- В общем десять.
- Десять немцев? Ишь ты какой! Что же, поодиночке доставлял или как?

Мальчик опять с улыбкой обернулся на лейтенанта, но теперь его улыбка была рассеянной — видно, его расспрашивали об этих случаях уже не в первый раз.

— Когда как, — ответил он вразяжку: — то по одному, а то по двое.

— Как, и двоих приводил? Ну, расскажи, как это было.

Он принял наше изумление за неспособность взрослых понять самые простые вещи, которые для детей обыкновенны, и сказал, оживившись, искренне желая нам помочь.

— Да немцы в разведку чаще пьяные ходят.

— Пьяные?

— Выпьют для храбрости — и пошли. Я один раз притаился в ельнике, лежу. А они по дороге идут из разведки.

— Сколько же их?

— Двое. Я вижу, пьяные.

— Что же, они качаются?

— Ну да, они на лыжах, ноги катятся, они падают, хочут. Деревня, где они стояли, уже близко. Я пропустил их, а потом из ельника как крикну! И выстрелил! Они — раз! — кувырком. И подняться не могут. Лыжи разъехались. Я их и взял.

— Да как же взял? Ты один, а их двое.

— Подбежал, стрельнул одному в руку, а другого по башке револьвером — стук! — и разоружил. Связал им руки назад, а потом наша разведка подоспела. И повели...

Он подождал немного и добавил:

— Ещё раз я тоже взял двоих, а один не захотел идти. Упёрся — никак.

— Ну и что же?

— Ничего. Пристрелил его, а другой пошёл.

Развеселившееся лицо его говорило: видите, всё очень просто, а вы изумляетесь! И выходило действительно так просто, что уж нечего было больше расспрашивать, и мы молча смотрели на мальчика.

Тогда с заново вспыхнувшим любопытством он быстро спросил:

— Вот вы сегодня читали рассказ: что это, правда или вы это придумываете?

— Зачем придумывать? — ответил я. — Правда интереснее всякой придумки.

— Да-а, как бы не так! — протянул он с полным недоверием.

— Разрешите?.. — сказал высокий лейтенант, делая вежливый полушаг вперёд. — Нам пора.

— Вы что же, приставлены к нему? — спросил мой друг, кивнув на мальчика.

— По вечерам, — сказал лейтенант. — Он ведь в Москве первый раз, мало ли — заблудиться может, и движение порядочное...

Они оба — большой и маленький — сделали шумный поворот по-военному и вышли...





КОМАНДИР

По дороге на фронт я остановился переночевать в маленьком городке, по имени Чернь. Было уже совсем темно, я ничего не видел. Беззвучными улицами меня проводили к месту ночлега и помогли взобраться по крутой лестнице на сеновал. Я ощупью разровнял сено и с удовольствием улёгся.

Проснулся я, когда во всех щелях старой крыши золотилось солнце. Над моей головой громко чирикала стая воробьёв. Слышно было, как они постукивали клювами по стрехам и шевелили солому — наверно, шла утренняя чистка крыльев. Вдруг вся стая замолкла и через мгновение дружно вспорхнула. Шум её полёта быстро исчез. Наступила полная тишина.

Я думал, что очень рано, потому что только спящий городок мог быть таким безмолвным. Но меня удивило, что не слышно

было петухов. Я скатился с сена, распахнул дверь и выглянул на двор.

Там находилась единственная крошечная хибарка, а за нею тянулись вдаль бугры земли, поросшей высоким, в человеческий рост, бурьяном. Это и были улицы Черни.

Я стоял неподвижно, глядя на разрушения. Я знал, что два года назад Чернь была в руках немцев. Когда Красная Армия разбила немцев под Тулой, они уничтожили на пути своего отступления все города, деревни и сёла. Но хотя я это знал, меня поразило то, что я видел.

Кое-где подымались над землёй обломки зданий. В бывших садах торчали высохшие, чёрные яблони. Кругом на кучах развалин буйно росли чертополох, репейник и лопухи, густо покрытые пылью.

Мне показалось, что исчезнувший городок был прежде очень красив. Наверно, он стоял в зелени, с весёлыми окнами домов и раскрашенными воротами. По улицам его утром тарахтели колёса телег и не спеша проходило стадо коров. Пели и кричали птицы, дети бежали в школы, дым завивался над всеми крышами.

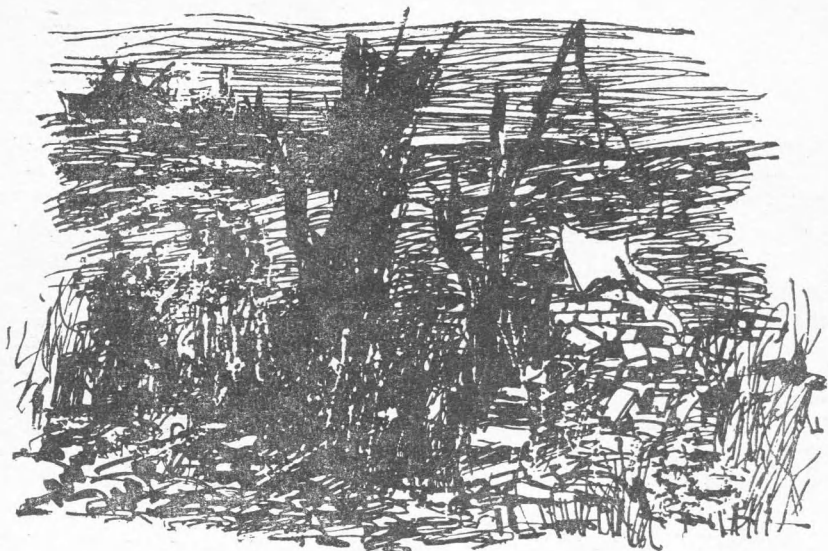
И когда я подумал так, мне стало тяжело дышать от боли за страдания, причинённые городку нашествием, и от ноющего приступа злобы к врагу.

На окраине, где уцелели отдельные дома, люди уже начинали новую жизнь, что-то строили и засевали, но я покинул Чернь с тяжёлой памятью о развалинах, которые увидел ранним утром с сеновала.

Я много передвигался по фронту с частями армии. После поражения под Орлом неприятель отступал на запад, и наши дивизии с боями преследовали его. Каждый день войска отличались в сражениях, и я встречал десятки храбрецов и героев.

Однажды во время привала ко мне в палатку вошёл познаться молодой командир. Я уже слышал о нём, но, когда он явился, я не мог сдержать улыбки.

Это был юноша с чистым и бойким взглядом, очень лёгкий, тоненький. Сапоги с широкими голенищами были как будто не с его ноги, и он словно выпрыгнул из них в палатку. Он тотчас заметил мою изумлённую улыбку, и выражение серьёзного его лица стало задорным. Он назвался полным именем: Алексей Иванович Зайцев, и мне ничего не оставалось, как обращаться к нему так, как он пожелал.



— Хорошо, — сказал я. — А давно ли вы из школы, Алексей Иваныч?

— Давно.

— А как вы, Алексей Иваныч, учились?

— Хорошо.

— А сильно ли вы, Алексей Иваныч, озоровали?

— Сильно.

Тон его был решительным, так что я даже пожалел, что начал шутить. Он как будто хотел мне сказать, что я забываюсь, что передо мной командир, бывалый в боях, а я позволяю себе разговаривать с ним, как с мальчиком.

И вдруг он рассмеялся, как школьник в классе, долго сдерживавший смех и наконец не вытерпевший. Точно солнце брызнуло в палатку с этим обрадованным смехом. И я тоже засмеялся, не зная чему, и спросил:

— Что вы, Алексей Иваныч?

— Теперь на войне пригодилось, — ответил он, всё ещё смеясь.

— Что пригодилось?

— То, что сильно озоровал.

Я крепко обнял его с тем порывом внезапного расположения, который известен учителям, и, не выпуская его, задал ему, как учитель, задачу:

— Ну-ка, перечислите мне, Алексей Иваныч, все должности, какие вы занимали с начала войны и до сего дня.

Сморщив брови и приподняв голову, как у классной доски, он начал припоминать:

— Когда я был в учебном батальоне, меня произвели в сержанты. Перед наступлением на Орёл меня назначили заместителем командира взвода автоматчиков. Потом командир выбыл, и я командовал взводом, до самого Орла.

— Чем же ты отличился?

— Так, — ответил он просто, даже не заметив, что я сказал ему «ты». — Где увижу — немцы бросили пулемёт, сейчас автомат за спину, а пулемёт тяну. Комбат это заметил и назначил меня командиром пулемётной роты. Там как раз тоже выбыл командир. Так я ротой и командовал, пока не назначили нового.

Я опять сделал вид, что не понимаю.

— Ну, а всё-таки, что же ты совершил, что к тебе такое доверие?

— А ничего. Не дал ребятам в панику бросаться. У меня ребята держались во как дружно!

— Кем же ты сейчас?

— Сейчас я командир расчёта пулемётной роты. Меня всё учиться посылают на офицера. А я не хочу.

— Почему?

— Почему не хочу? Вот когда победим, тогда захочу.

— Станешь офицером, тогда и победишь, — сказал я. — Ты ведь знаешь, как нужны армии офицеры.

Опять взрывом вылетел у него озорной смех.

— Я раньше до Бёрлина дойду, чем офицером стану.

Он выпалил это громко, по-ребячьи, сделав необычное ударение на слове Берлин — Бёрлин, но тотчас подавил свой смех, будто одёрнул себя, и весь переменялся.

— Эх, я там ему покажу... фашисту!.. А что ему спускать? — тут же добавил он, сурово блеснув на меня глазами, хотя я и в мыслях не имел, что фашисту надо спускать. — Он наши дома будет палить, родных калечить, а мы — смотреть?

Командир-мальчик стоял передо мной совершенно новый. Это был не мальчик, не юноша: это был муж, гневный, страшный и мстительный муж!

— Откуда же ты такой взялся? — спросил я, снова прижимая его к себе.

— Я — чернский, — ответил он по-деловому.

— Как — чернский! — вскрикнул я. — Из Черни?

— Из Чернского района.

Сразу вспыхнуло у меня воспоминание о разрушенном германцами городке, о том солнечном утре, когда на месте городка мне открылись кучи и горы осквернённой почвы, заросшей непролазным пыльным бурьяном.

«Так вот как отмщает маленькая, некогда милая Чернь за поругание над нею! Вот какой огонь посылает она вдогонку за изгоняемым из нашей земли врагом!» — думал я.

И мне ясно увиделось, как всякий городок, каждое селение и что ни двор, что ни дом, разрушенные немцем, отправляют на великое поле боя своих отмстителей, которые из юношей делаются мужами, из мужей превращаются в богатырей...

— Хорошо, Алексей Иваныч, — тихо сказал я, — иди на Бёрлин солдатом. Всё равно вернёшься ты офицером.

И я ещё раз крепко его обнял.



СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сазаны	3
Вася	14
Мальчик из Семлёва	21
Командир	27

Для младшего школьного возраста

Федин Константин Александрович

МА Л Ь Ч И К И

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*.
Технический редактор *Р. М. Кравцова*. Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *А. Б. Стрельник*.
Сдано в набор 28/VIII 1957 г. Подписано к печати 20/IX 1957 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
2 печ. л. (1,7 уч.-взд. л.). Тираж 500 000 экз. Заказ № 2842. Цена 60 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В библиотеке «Книга за книгой»
для детей младшего школьного возраста
в 1957 году издаются:

— * * * —

- Пушкин А. — Сказки о жертвой царице и о семи богатырях
Тургенев И. — Голуби
Толстой Л. — Кавказский пленник
Григорьев Д. — Гуттаперчевый мальчик
Суриков З. — Загорелась над степью заря (стихи)
Дрожжин С. — В поле (стихи)
Горький М. — Детство Ильи
Куприн А. — Белый пудель
Сказки бабушки Куврианыги
Тайная примета. Русские народные сказки
Пришвин М. — Луговое
Федин К. — Мальчики
Григорьев С. — Красный бакен
Василенко И. — Зоя и Петя
Жданов Н. — Восьмое чудо
Воробьев Е. — Гром и молния
Семушкин Т. — Приключения Айзана
Крушинский С. — Ян и Яна
Жарикова Л. — Последняя ночь
Курбансагатоев К. — Горный шах (перевод
с туркменского)
Лукс В. — Стихи (перевод с латышского)
Юнке А. — Пончо (перевод с испанского)
Первая полочка. Рассказы современных французских
писателей
Яблоня здорovia. Сказки разных народов

Эти книги можно приобрести в магазинах Книжоторга.